

стратига Дуки (в А 2024 сл. он, сверх этого, одерживает победу над саракином Судалисом, служащим стратигу) и ловко сбрасывает с коней сыновей стратига, падая их жизнь по просьбе Евдокии.

Победы неизменно сопутствуют Дигенису: он побеждает апелатов, задумавших похитить его жену (ГФ IV, 965 сл.), завоевывает земли «эфиопов» (IV, 968 сл.), выказывает ловкость и отвагу перед императором — укрощает дикого коня и голыми руками убивает льва (IV, 1054 сл.). Дигенис убивает разбойника Мусура, наводившего страх на путников (ГФ V, 215; ср. Т 1623 сл., А 2510 сл.); он обращает в бегство свыше сотни вооруженных арабов (ГФ V, 178 сл.), побеждает Филопапца, Киннама, Иоаннакиса, Максимо, Мелимидзиса. Незадолго до смерти Дигенис снова, как в дни детства, изумляет всех охотничьим искусством (ГФ VIII, 23 сл.). Некоторые из подвигов героя носят сказочный характер — убийство дракона, напавшего на Евдокию (VI, 47 сл.)¹¹⁵. Лишь в одном случае герой терпит поражение, но и то через год с лихвой отплачивает своему врагу [эпизод с Анкилой, отсутствующий в ГФ (Т 2071 сл., А 3068 сл.)]. Впрочем, победа не всегда легко дается Дигенису; так, он долго не мог справиться с Киннамом и Иоаннакисом — лишь слова жены дали ему силы одолеть врагов (ГФ IV, 234 сл.). Дигенис — «венец отваги» (τῆς ἀνδρείας στέφανον — VII, 214), принесший спасение от врагов, освободивший пленных и установивший прочный мир. Доблесть и могущество — вот что прежде всего оплакивают в Дигенисе собравшиеся на его похороны (VIII, 224 сл., 249 сл., 289 сл.).

Те же качества прославляются и в других действующих лицах. Отваги и силы полон эмир — он совершает успешные походы, спасает своих воинов в опасности, охотится на хищников, убивает дубинкой льва (ГФ I, 39 сл., 162 сл., 292 сл.; III, 65 сл., 92 сл.; IV, 22 сл.; VII, 129 сл.). Замечательными подвигами прославились и его отец Хрисоверг, презревший смерть, и его дядя Кароес (II, 60 сл.). Поэма воспевае также отвагу братьев Евдокии, дядьев Дигениса, прежде всего младшего из них — Константина, побеждающего эмира в единоборстве (I, 146 сл.; II, 164; IV, 60 сл.). Велико могущество и стратига Дуки, отца Евдокии (IV, 299, 330). Как уже говорилось, в поэме восхваляется и отвага противников Дигениса — предводителей апелатов: Филопапца, Киннама, Иоаннакиса, а также Максимо (VI, 388 сл., 565 сл., 751 сл.), Мелимидзиса (VI, 492 сл.), Леандра (VI, 549)¹¹⁶. Прославляются, наконец, отважные подвиги древних героев, изображения которых украшают дворец Дигениса, — подвиги Самсона (VII, 63 сл.), Давида (VII, 71 сл.), Ахилла (VII, 85), Одиссея (VII, 88), Беллерофонта (VII, 89), Александра Македонского (VII, 90 сл.).

Этот культ силы и отваги, пронизывающий всю поэму и столь характерный для памятников фольклора (не только византийского), вряд ли следует относить за счет творчества автора поэмы или ее редакторов. Скорее всего, идеалы эти перешли в «Дигениса Акрита» из народных песен, послуживших — на этом сходятся почти все исследователи памятника — основным источником поэмы. Именно эти черты больше всего сближают нашу поэму с песнями «О сыне Армуриса», «О сыне Андроника», с многочисленными песнями акритского цикла¹¹⁷,

¹¹⁵ Еще больше таких элементов фантастики в «Девгениевом деянии».

¹¹⁶ Погодинская редакция «Девгениева деяния» в отличие от греческой поэмы наделяет отвагой и жену Дигениса («стратиговна мужескую дерзость имеет» — изд. Сперанского, стр. 164).

¹¹⁷ Сопоставлению «Дигениса Акрита» с этими песнями уделила внимание В. Д. Кузьмина («Деяние прежних времен...»).